

ББК 60.524.41

О.Е. Ноянзина, Н.П. Гончарова

**Социально-экономические и политические
детерминанты риск-среды как эскалация угроз
социальной безопасности***

O.E. Noyanzina, N.P. Goncharova

**Social-Economic and Political Determinants
of Risk-Environment as an Escalation of Threats
to Societal Security**

Представлены результаты экспертизы основных социально-экономических и политических детерминант существующих угроз социальной безопасности в разрезе шести регионов Российской Федерации. Особое внимание уделено экспертной оценке вызовов социальному благополучию региональных социумов в виде социального неравенства и социальной напряженности.

Ключевые слова: социальная безопасность, риск-среда, социальная угроза, экспертное интервью, социальное неравенство, социальная напряженность.

Социальная сфера является одним из важных направлений угроз безопасности на уровне интересов субъектов всех уровней социальной организации. Но процесс осознания этих угроз и накопления в социальной сфере российского общества реальных опасностей и в государственно-управленческой практике, и особенно в массовом сознании подчинен более общим задачам обеспечения национально-государственной безопасности. Характер угроз и опасностей в социальной сфере имеет собственные особенности и качественные отличия, а сама социальная сфера является интегрированным направлением национальной безопасности и включает в себя такие важные аспекты безопасности личности, общества и государства,

Results of expert evaluation of general social-economic and political determinants of actual threats for societal security in six regions of Russian Federation are presented. A special attention is paid to expert examination of challenges to social well-being such as social inequality and social intensity.

Key words: societal security, risk-environment, social threat, expert interview, social inequality, social intensity.

как общесоциальный, социально-экономический, социально-политический, социализационный и др. [1]. Объективные показатели реальных социальных опасностей и угроз сопровождаются экспертной оценкой текущих социальных, экономических и политических процессов. С целью выявления основных социально-экономических и политических детерминант риск-среды были проанализированы материалы экспертных полуформализованных интервью**.

**Угрозы, связанные с проявлениями социального
неравенства населения**

Проблема социального неравенства является одной из ключевых в социологии. М. Вебер выделяет три

* Работа выполнена по государственным контрактам №02.740.11.0360 по теме «Социальные риски воспроизводства девиаций и социальная безопасность населения России: проблемы взаимообусловленности и трансформации в современных условиях кризисного состояния общества»; №16.740.11.0109 по теме «Модели конструирования новой стратегии современных россиян: институциональный, социально-групповой и индивидуально-личностный уровни анализа» (2010–2012 гг.); №14.740.11.0881 по теме «Патриотизм и национализм: ментальные репрезентации и поведенческие стратегии населения современной России».

** Использованы данные экспертного опроса (n=120) в шести регионах Российской Федерации. Данные представлены в следующем виде: XX.YY.000, стр. 0, где XX – буквенный код секторальной принадлежности эксперта (ЗВ – законодательная власть (n=24), ИВ – исполнительная власть (n=24), ОО – общественная организация (n=24), НП – научно-педагогическая общественность (n=24), МС – органы местного самоуправления (n=24), УУ – код региона, в котором проживает эксперт (22 – Алтайский край, 03 – Республика Бурятия, 39 – Калининградская область, 24 – Красноярский край, 54 – Новосибирская область, 26 – Ставропольский край), 000 – порядковый номер интервью в пределах региона (001, 002, ..., 020), стр. 0 – код места расположения ответа в тексте транскрипции интервью.

фактора неравенства: богатство, власть и престиж. Социальный статус основан на следующих критериях: а) образ жизни; б) формальное образование, заключенное в практическом или теоретическом обучении и усвоении соответствующего образа жизни; в) престиж рождения и профессии [2]. В современном постиндустриальном обществе складывается социальное противостояние [3]. На одном полюсе находится высший класс, который состоит из состоятельных и образованных людей, занятых в высокотехнологичном производстве, исповедующих постматериальные ценности, имеющих собственность или право свободно распоряжаться средствами производства. На другом – низший класс, который состоит из представителей рабочих и неквалифицированных иммигрантов, не имеющих хорошего образования, которое не является приоритетной ценностью для них, движимых материальными мотивами, занятых в массовом производстве, сфере услуг, или безработные. Средний класс – основная опора индустриального общества – имеет больше шансов перехода в низший класс, чем в высший.

Эксперты Алтайского края единодушно признают существование в России проблемы социального неравенства: «Общество сейчас у нас очень сильно нестабильно ... сильное расслоение..., рост разницы доходов между бедными и богатыми, сильная дифференциация. Бедные становятся все беднее, богатые, как обычно, все богаче... общество у нас уже не монолитное, не единое» (ЗВ.22.003, с. 8). Однако именно для Алтайского края проблема социального неравенства в настоящий момент не столь актуализирована, чем, например, для «регионов центральной части России» (ЗВ.22.003, с. 2) – доля «богатого» населения в регионе не столь велика, чтобы создавать условия для возникновения социального неравенства, население края в целом характеризуется как «бедное», а существующий рынок не в состоянии обеспечить разнообразие благ (ИВ.22.012, с. 1–2). По мнению экспертов, возможно отметить неравенство в доступе к различным благам жителей городской и сельской местности: «...молодежь, живущая в деревне... не так адаптирована в обществе, насколько молодежь городская» (МС.22.017, с. 1–2; ИВ.22.001, с. 3).

Однако эксперты, описывая текущую ситуацию, отмечают, что она имеет неблагоприятный вектор развития, т.е. «будет все более и более актуальной в свете последних событий в социальном секторе. В свете отсутствия роста доходов в бюджетной сфере, в свете сокращения возможности дополнительного заработка у дееспособного населения и в сфере сохранения сверх доходов у отдельной части населения» (НП22_007, с. 3).

Оценки экспертов Республики Бурятия и Красноярского края схожи с мнениями алтайских коллег. Признавая существование проблемы социального неравен-

ства в республике, эксперты аргументируют это тем, что данная проблема характерна для многих обществ, в том числе и российского, и для сообщества республики: «...есть люди, которые получают достаточно большие доходы и, конечно, есть люди, которые находятся за чертой бедности» (ЗВ.03.004, с. 1), «как и, в принципе, по всей России» (МС.03.001, с. 1). Но в республике «слишком много богатых и сильно много бедных вообще конечно нет» (ЗВ.03.003, с. 1).

Отмечается также и поселенческая специфика данной проблемы: «...в Красноярском крае, чем дальше отдалается от города Красноярска житель, тем меньше у него правовых возможностей защитить свои и в том числе конституционные права..., больше он подвергается различного рода угнетениям, и поборам и всего остального» (НП.24.007, с. 2).

Несколько более заметна проблема социального неравенства для жителей Новосибирской области, поскольку «у нас сегодня Новосибирск считается центром Сибири, здесь сосредотачиваются, ну как в Москве, финансы» (ЗВ.54.008, с. 1–2), хотя в целом ситуация соответствует общероссийской (НП.54.005, с. 2; МС.54.001, с. 1–2; НП.54.007, с. 1; ИВ.54.015, с. 1). В целом Новосибирскую область, как и все регионы Сибирского федерального округа, отличает «демократичный фон, достаточно большая трудовая армия народа» (МС.54.018, с. 2).

Что касается Калининградской области, то проблема социального неравенства в сознании экспертов ассоциируется прежде всего с уникальным геополитическим положением региона, изначально ставящим его в неравное положение со всеми прочими субъектами Российской Федерации: «оторванность, ... затраты на свое передвижение и на свои социальные нужды выше, чем по России» (ЗВ.39.002, с. 2). Актуализировано социальное неравенство населения еще и в силу небольшой территории, на которой располагается область, т.е. оно становится наиболее «заметным»: «Калининградская область она сама по себе по масштабам небольшая, ... а посему естественно социальное расслоение ... наиболее видимо и наиболее существенно влияет на общественно-политическую ситуацию в регионе» (ЗВ.39.001, с. 14; ЗВ.39.001, с. 1).

Экспертами отмечено, что в Калининградской области «разрыв в уровнях дохода значителен между низко оплачиваемыми и высокооплачиваемыми слоями населения» (ЗВ.39.004, с. 1), особенно заметна такая ситуация в отношении людей пенсионного возраста: «очень больно сказывается на людях пенсионного возраста» (ЗВ.39.003, с. 2) и работников бюджетной сферы (00.39.013, с. 2), хотя «в среднем по России, ситуация в этом отношении еще хуже» (ЗВ.39.007, с. 4; ЗВ.39.008, с. 2). Причина сложившейся ситуации, согласно экспертным оценкам, заключается «прежде всего в ... политической пассивности. В том числе у граждан с высоким уровнем образования,

прежде всего работников бюджетной сферы, они в политическом отношении индифферентны, или конформистскую позицию занимают. Несмотря на очевидную совершенно неадекватность уровня их достатка, их потенциалу или запросам, никаких серьезных изменений в их поведении социальном нет» (00.39.014, с. 1).

Один из экспертов, представитель научной общест-венности, отметил, что проблема социального неравенства не является актуальной, поскольку на-селение терпимо относится к своему «неравному» положению в силу своей принадлежности к европей-ской культуре: *«Я вижу протестные настроения, но не вижу регуляционных настроений, то есть большая часть населения свыклась с мыслью, что есть бедные и богатые. В итоге мне нравится быть бедным»* (НП.39.019, с. 4).

В Ставропольском крае экспертные оценки со-циального неравенства населения связаны с раннее выделенной проблемой и заключаются в неравенстве в связи с *«сильно развитой клановостью»* (ИВ.26.008 с. 1), сложившийся характер межнациональных отно-шений в мультиэтничном и мультиконфессиональном регионе задает характер социального неравенства (ЗВ.26.005, с. 1; МС.26.014, с. 1), а *«это означает, что национальности лоббируют свои интересы»* (ЗВ.26.017, с. 1, 2).

Оценка угрозы социальной напряженности

Социальная напряженность в общем виде – со-стояние населения страны (региона), характеризую-щееся недовольством проводимой властями политики, т.е. напряженность в социуме, складывающаяся из недовольства населением действиями властей в раз-ных сферах, в том числе и социальной (расслоение, обнищание, беспризорность и т.п.) [4]. Социальная напряженность в конкретном регионе – недовольство гражданами своим положением, действиями и (или) бездействиями властей (представителей органов вла-сти и управления) по улучшению ситуации – может быть оценена через формализованные количественные и качественные характеристики, связанные с числом открытых акций протеста и их участников, числом лиц, недовольных своим положением и (или) дей-ствиями властей в различных сферах жизни общества, а также количеством предпосылок возникновения недовольства. Индикаторы социальной напряжен-ности – проявления в обществе, характеризующиеся наличием проблем в различных сферах жизни, которые, по мнению населения, решаются властями неудовлет-ворительно. Индикаторы социальной напряженности выражаются в виде игнорирования общественно-политических мероприятий, нарушения норм закона, морали и нравственности, роста алкоголизма, нар-комании, суицида, распада семей, беспризорности, неуважения к символам власти и интересам государ-

ственной безопасности, акций открытого протеста и гражданского неповиновения, эмиграции и т.п.

Угроза социальной напряженности, по мнению большинства экспертов Алтайского края, происходит из снижения уровня жизни подавляющего числа на-селения, увеличения нуждаемости в социальной помощи и поддержке в различных формах: *«... в детсаду одни не могут платить даже за питание, предлагают до-полнительные платы, сверх того, чтобы детям было хорошо»* (ИВ.22.012, с. 2), *«...связана с безработицей, с невыплатой заработной платы. То есть напряжен-ность такая, что доходов и мест нет»* (НП.22.009, с. 1). Однако, оценивая степень выраженности данной угрозы, эксперты единодушны в низких оценках. Осо-бый менталитет жителей Алтайского края (*«спокойный сибирский»*) (НП.22.009, с. 1) отличается тем, что *«нет ни бунтарей, ни революционеров»* (МС.22.017, с. 2). Представители институтов гражданского общества в регионе также инертны, озабочены борьбой за су-ществование, их деятельность в защиту социальной справедливости – *«вяло текущая борьба с попытка-ми органами власти задавить всякую неформальную активность. Ну, это, опять же, верхушечная борьба, население в этом слабо участвует»* (ЗВ.22.003, с. 6).

Пока же социальная напряженность выражается в форме «личностных установок», общего *«недо-вольства собственной жизнью»* (НП.22.008, с. 1–2), в массе *«население индифферентное, гражданское самосознание слабо развито, лишь бы не трогали меня, лишь бы не трогали мой кошелек, лишь бы оставили на работе, а дальше уже... тихий протест населения»* (ЗВ.22.003, с. 6). По мнению экспертов, со-циальная напряженность становится открытой тогда, когда внутренние резервы, направленные на повы-шение собственного благосостояния, исчерпываются, а *«сейчас такой этап, когда на ухудшение качества жизни и ухудшение возможностей населения пока что реагируют повышенной своей активностью, т.е. пытаются сохранить прежний уровень своего благосостояния за счет более активной жизнедея-тельности, начинают большее количество подрабо-ток искать и т.п.»* (НП.22.007, с. 4).

Оценки уровня социальной напряженности в ре-гионе большинства экспертов Республики Бурятия – от «среднего» до «выше среднего», и обусловлены они оценкой растущих тенденций обнищания населения, безработицы, уровня жизни населения. Однако на-пряженность также отличает латентный характер – ни демонстраций, ни акций протеста против ухуд-шающихся условий жизни экспертами не отмечено (ЗВ.03.011, с. 2; ОО.03.009, с. 1, 2). В Калининградской области при разнородных экспертных оценках уровня напряженности – от низких до очень высоких – от-мечены активные, очевидные проявления протеста. Так, практически все эксперты приводили в качестве примера *«для города Калининграда с населением чуть*

менее полумиллиона человек десяти тысячный митинг с экономическими, а потом и политическими требованиями» (ЗВ.39.001, с. 2), отмеченную тенденцию также «подтверждает, во-первых, рост числа самоубийств на двадцать пять процентов за прошлый год, (во-вторых), число криминальных происшествий по официальной статистике выросло на четыре процента» (ЗВ.39.009, с. 1) и «количество протестных акций, которое растет с каждым днем» (МС.39.012, с. 1). Также обостряет ситуацию положение «*трудовых мигрантов, отношение к которым, меняется по мере усиления кризисных явлений – такие проявления ксенофобии, они возрастают*» (ОО.39.014, с. 2).

По оценкам представителей экспертного сообщества Красноярского края, социальная напряженность в регионе невысока, находится на среднем уровне, а если и «высока, то все это обсуждается на кухне, между собой» (ОО.24.001, с. 1–2).

Уровень социальной напряженности населения Новосибирской области, по мнениям большинства экспертов, выше среднего: «...если взять десятибалльную шкалу, то из десяти – шесть-семь» (ИВ.54.002, с. 1), «напряженная – да, но не критическая» (МС.54.001, с. 2). При этом также отмечается отсутствие открытых ее проявлений: «...пока только на словах, где-то в умах у людей, что ли. На работе обсуждаем» (НП.54.003, с. 3). Хотя некоторые эксперты (ИВ.54.014, с. 2; ИВ.54.015, с. 1) характеризуют уровень социальной напряженности в Новосибирской области как низкий.

Оценки уровня социальной напряженности в Ставропольском крае варьируют от низких до средних, лишь два эксперта отметили высокий уровень напряженности в крае, никак не аргументируя этого.

В качестве факторов социальной напряженности могут быть выделены негативные процессы в жизни общества, которые способны привести к акциям протеста и массового недовольства населения действиями (бездействием) органов власти и управления.

Среди основных факторов возникновения риска социальной напряженности в Алтайском крае выделены:

- существующие экономические проблемы: низкий уровень заработной платы большинства населения, задержки ее выплаты, безработица, постоянный рост цен и тарифов при «замораживании» размеров заработной платы;

- социально-медицинские проблемы: распространенность социально обусловленных заболеваний среди молодежи, что снижает ее репродуктивный и производственный потенциал;

- политические проблемы, обусловленные особенностями течения политических процессов в регионе;

- демографические проблемы: высокая доля населения старше трудоспособного возраста, яв-

ляющегося потребителями социальной помощи и отличающегося низким уровнем жизни даже по сравнению с другими жителями края и неспособностью поддержать его;

- проблемы моногородов края, таких как Рубцовск, в которых общие проблемы усугубляются, например, отсутствием рабочих мест и невозможностью их создания, поскольку вся инфраструктура поселения была ориентирована на единственное производство, альтернативы или замены которому нет и не будет.

Эксперты Бурятии в качестве основной причины возникновения риска социальной напряженности выделяют проблемы, отмеченные при описании основных угроз социальной безопасности региона: «бедность» и дотационность республики, рост числа социальных девиаций и уровня преступности.

В оценках представителей Калининградской области, помимо общих для всех регионов и отмеченных выше факторов, выявлены факторы социально-психологического порядка. По мнению экспертов, усилить социальную напряженность может «проблема безысходности» (ЗВ.39.001, с. 2). Отмеченную тенденцию подтверждают эксперты Красноярского края: «...это как внутренняя неудовлетворенность, она потом переходит на внешнюю, социальную» (НП.24.006, с. 4), и эксперты Новосибирской области (ОО.54.009, с. 2–3), как образно выразился один из них: «...потому что у одного суп жидкий, а у другого жемчуг мелкий – это видно!» (НП.54.005, с. 2–3).

Помимо выделенных экспертами, в ходе экспертного опроса был предложен перечень возможных факторов возникновения социальной напряженности в обществе: ошибки в действиях властных структур, неспособность государства защитить основные права личности, нарастание социального неравенства в распределении собственности и доходов, рост преступности, рост безнравственности, ухудшение здоровья населения и сокращение его численности. В оценках потенциальной возможности этих факторов спровоцировать рост социальной напряженности эксперты всех шести регионов продемонстрировали схожие мнения. Большинство опрошенных согласны с приведенными выше причинами, однако не считают их определяющими. Хотя действия властных структур имеют значение для возникновения социальной напряженности, но «есть много еще причин, влияющих на возникновение социальной напряженности, а ошибки органов власти – это всего лишь одна из многих причин, не всегда главная» (НП.22.007, с. 4). Если человек удовлетворен своим современным материальным положением, то проблемы осуществления власти для него отходят на второй план, «если люди получают хорошо и доход высокий, то их неравенство не так интересует» (ИВ.22.002, с. 2). Хотя отмечено, что феномен неравенства чужд определенной части населения, в основном – возраста старше среднего: «...у нас

большое, достаточно большое по численности еще поколение, которое выросло в философии, в идеологии всеобщего равенства, братства, принадлежность всех материальных благ всем и никому лично. И пренебрегать их менталитетом и стилем мышления и шкалой ценностей ни в коем случае нельзя» (НП.22.007, с. 4). Уровень преступности – скорее, не причина, а «следствие социальной напряженности» (НП.22.007, с. 5), а если и провоцирует рост социальной напряженности, то тогда, когда ее рост становится очевидно наблюдаемым в повседневной жизни (ИВ.22.002, с. 2) и вызывает «страх у населения» (ОО.03.009, с. 2). Ухудшение состояния здоровья населения в качестве причины социального неравенства может выступать в случае достижения критичных для общества показателей, например «мор сплошной пошел, чтоб вызвать напряжение» (ОО.03.009, с. 3), поскольку «это тоже особенность менталитета такая. Нас интересуют личные проблемы по большей части, ну максимум проблемы своей семьи» (НП.22.007, с. 5). И вообще отмеченные негативные явления имеют место, могут спровоцировать социальную напряженность, «но не в нашем регионе» (ЗВ.03.011, с. 2).

Таким образом, нами получены наиболее значимые характеристики социальной безопасности населения, проявление которых концентрируется в социальном, политическом и экономическом пространстве исследуемых регионов. Несмотря на то, что среди рассмотренных регионов отчетливо выделяются Ставропольский край, с высокой подверженностью межнациональным конфликтам и конфликтам на почве межрелигиозной неприязни, и анклавная Калининградская область, со специфическими проблемами, обусловленными уникальной геополитической ситуацией, а также благополучный в отношении «обеспеченности» регионального бюджета Красноярский край, общими тенденциями являются: снижение жизненного уровня

подавляющего большинства населения; резкое усиление зависимости от компенсационных мер социальной защиты, увеличение нуждаемости в социальной помощи и поддержке в различных формах; критический уровень потенциала основных социальных отраслей (здравоохранения, образования, культуры), что создает реальную угрозу деформации процессов социализации; критический уровень потенциала развития промышленного производства, отсутствие механизмов модернизационного развития производств; нарастание негативных тенденций в социальной структуре общества, усиление процессов люмпенизации и маргинализации; отмеченная во всех регионах организационная слабость системы социального управления как на уровне страны, региона, так и муниципалитетов; отсутствие необходимых механизмов стимулирования экономической активности населения; усиление негативных демографических тенденций – постарение населения, миграционный отток молодежи, высокая смертность, сокращение продолжительности жизни населения; распространенность настроений социальной апатии, безысходности, социальная и гражданская пассивность жителей в целом.

При этом сложившаяся ситуация осложняется отсутствием стабилизирующих факторов. Единственное, что рассматривается экспертами в данном ключе, – это специфический менталитет, повышенная терпимость населения и пассивное отношение к изменениям, происходящим в обществе. Таким образом, несовершенство социальной структуры губительно сочетается с разрушением систем жизнеобеспечения и социализации, микросреды, в которой действует и живет человек, что создает довольно высокий взрывной потенциал и реальную угрозу социальной безопасности как социетального масштаба, так и социальной безопасности отдельных региональных социумов.

Библиографический список

1. Ноянзина О.Е., Гончарова Н.П. Социальные риски и угрозы безопасности: повседневные практики на рынке труда // Вестник Омского университета. Серия: Социология. – 2010. – №1/2.
2. Вебер М. Основные понятия стратификации // Социс. – 1994. – №5.
3. Иноземцев В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. – М., 2000.
4. Фещенко П.Н. Социальная напряженность как аспект национальной безопасности: монография. – М., 2006.